сыгранных в русле горьковской пьесы. Просто и правдиво играет Марью Львовну И. Щеглова. Значительная, стойкая Мария Львовна в минуты слабости — «просто несчастная баба», — актриса нигде не превращает ее в негибемый эталон. И это не потому, что ей нужно «оживить» героиню. Щеглова ищет подлинную горьковскую правду образа, ищет ее не в риторической непогрешимости Марьи Львовны, а в многогранной полноте характера.

Говоря об удачах спектакля, о верном прочтении Горького, нельзя пройти мимо Софьи (А. Покидченко). Правда, некоторая эксцентричность, фамильярность с матерью — все это на первых порах настораживает. Софья кажется взбалмошной, шумной. Но постепенно актрисе удается раскрыть настоящую Софью, честно и прямо мыслящую, способную на борьбу. Горьковское есть и у Власа. Молодой актер Г. Лесников хорошо понимает, что «кривляется» Влас от тоски, что у него это стихийный, до конца, быть может, и не осознанный способ протеста. «Чуждачество» его не становится для актера поводом для наигрыша, комикования. И, что важно, Влас решен «в перспективе» — размашистый, сильный, он должен смело шагнуть в жизнь. Это от Горького. И погрязший в мелочах брюзга Дудаков в мастерском исполнении И. Конкса трактуется по-горьковски сурово, без элегического сочувствия к его мещанской драме. Все это в горьковском русле, жанрово точно, все это по-настоящему драматично.

Но есть в спектакле и ложное, внешнее, спорящее с жанровой природой пьесы. Неточно решен в спектакле образ жены Басова Варвары (О. Соколова).

У Горького Варвара «зашла в чужую сторону». Она активно рвется к другой жизни: «Мне хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди...» И Варвара уходит. В этом горьковская сила образа. Но путь прозрения Басовой не прост, в начале пьесы она еще не знает, куда ей уйти. Ее бунт формируется во внутренних столкновениях с «дачниками». Ошибка актрисы в том, что она играет этот бунт с первой фразы. «Ты взял свечу?» — с многозначительным драматизмом вопрошает Варвара у Басова. «Ты хочешь чаю?» — произносит она с такой отчужденностью, будто ей уже ясно, что муж ее негодяй. Смысл этой сцены совсем в другом. Варвара ищет у мужа поддержки, понимания — он отвечает ей холодным равнодушием. Дальше она встретится с пошлостью, с цинизмом Шалимова. Жизнь постепенно раскроет ей глаза на людей, на истинную их сущность. Актриса торопится сыграть разрыв Варвары со своей средой задолго до того, как созреет ее драма. Она играет эту драму внешне, не испытывая тех важных, внутренних изменений, которые заставят Варвару в финале бросить гневное проклятие «дачникам».

В кульминационной, поворотной для Варвары сцене с Шалимовым Варвара выступает не судьей Шалимова, оказавшегося «таким же, как все», а как бы вызывает к его сочувствию. Сентиментально звучит монолог: «...мне было тогда семнадцать лет... как я ждала вас». К. С. Станиславский называл такого рода изображение чувств «маской чувства». Но здесь и маска выбрана произвольно. Ведь она осуждает, а не страдает, винит, а не ищет сожаления. Мелодраматизм чужд горьковской драматургии. И не только интонационно, а по существу; неверно найденные средства жанровой выразительности существенно меняют смысл сценических событий.

Социально-философский характер «Дачников» не может быть последовательно раскрыт в спектакле жанрово пестром. Суслов, Калерия, Рюмин — все эти важные образы пьесы сыграны совершенно по-разному, в противоречивой манере. Н. Банковский играет Суслова однообраз-